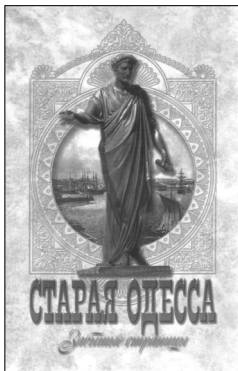

Блаженны мифотворцы

А.М. Дерибас
Старая Одесса
Киев, "Мистецтво", 2004

В сообщении "О том, чего я не досказал в своей книге...", читаном в Одесском библиографическом обществе, Александр Михайлович Дерибас (1856-1937) довольно внятно и совершенно бесхитростно определил характер текстов "Старой Одессы". Резюмируя им изложенное, можно остановиться на формулировке записки старожила, что в свою очередь типизируется как мемуары. Дерибас неодно-

кратно подчеркивает, что не претендует на историзм, научность, академизм своих заметок, написанных "легко, фельетонно, без всякой системы, без всякой хронологии и без всякой претензии", картинно, эмоционально, и тем самым снимает с себя ответственность за строгую историческую достоверность. Задача этих мозаичных и пестрых глав скорее нравственная, нежели академическая. По собственным словам автора, он хотел согреть новую Одессу теплотой давешнего одесского солнца, ее прежней простодушной улыбки. Надо понимать так, что Одесса как бы исполнена некой ретроспективной энергетикой, постоянно напитывающей тонкокожих, чутких горожан, а потому придающей им неповторимый колорит, характерность, самость. Такие "особенные люди", наподобие медиумов или экстрасенсов, имеют возможность поделиться с согражданами добываемой из окружающего пространства энергией созидания и добра. В этом-то как раз и состоит великий гуманистический смысл "Старой Одессы" А.М. Дерибаса.

...Есть такой старый анекдот. Живописец портретирует немолодую отцветшую красавицу, а та этак жалостливо просит, чтоб он изобразил талию потоньше, глаза побольше, брови погуще и т. п. Вконец раздосадованный художник восклицает: "Так вы все-таки хотите быть красивой или похожей?". Портретируя Одессу в стиле ретро, Дерибас однозначно выбирает первое. "Я почти не писал дурного о старой Одессе, — признается он со всею откровенностью, — не потому, что в ее прошлом не было ничего дурного, а потому, что о дурном, когда оно прошло, и писать не стоит. Хорошее тем хорошо, что оно всегда нужно, а дурное — какая кому в нем надобность?" Пройдет каких-нибудь шесть лет и, комментируя

публичные лекции И.А. Бунина о бессмысленном и беспощадном русском бунте, о кровавой вакханалии революции, он, как бы противореча самому себе, станет оправдывать "ядовитый дурман", источаемый этими горькими речами. "Да, Бунин негодует и бранится, — отметит Дерibas в 1919-м, — но это от сердца. И во всех своих словах о великом дурмане он только срывает свое сердце. Не хочет он дурмана там, где должна сиять подлинная истина".

Как принято говорить, о покойнике либо ничего, либо хорошее. С этим убеждением Александр Михайлович жил и творил много десятилетий, чтобы на исходе дней допустить полярное: либо ничего, либо всё. Но тогда, в начале 1910-х, в промежутке катастрофических социальных потрясений, он нашел свой особый путь миротворца в мифотворчестве региональной истории (или в краеведении, каковое понятие изначально имело некоторый привкус дилетантизма). "Старая Одесса" — трогательная попытка обратить взоры "новых одесситов" к давней патриархальной общности младенчества Южной Пальмиры, к спартанскому образу жизни первых поселенцев всевозможных социальных состояний и этносов, когда и "боги" (Дерibas, Ришелье, Ланжерон) спускались на землю, это была попытка консолидировать все более расшатывающееся и распадающееся гражданское общество посредством иллюстрации наглядных и близких исторических образчиков.

Как социальное действие попытка эта имела совершенно непредсказуемые последствия. Во всяком случае, не совсем те, какие имел в виду А.М. Дерibas. Из области чистой эстетики и социальной идеологии благостный одесский миф спустился в повседневность, в утилитарную эксплуатацию, в мелочный обиход (обстоятельства второй четверти прошлого столетия очень даже способствовали!), где, изменившись практически до полной неузнаваемости, внедрил в массовое обывательское сознание. Говоря шершавым языком одесской улицы, всякий встречный и поперечный местечковый жлоб получал карт-бланш "писать летопись" и слыть правомочным бытописателем, Нестором местного разлива. Амикошонство в отношении видных фигурантов региональной истории, пошловатые пародии на хронографию стремительно сделали общим местом. Разумеется, теперь можно говорить о том, что Дерibasа извратили. Однако вольно или невольно, но именно он сам и подал первый широкомасштабный пример сознательного ретуширования исторических реалий, формирования иллюзорной истории. Подобно упомянутой портретируемой экс-красавице,

Одесса гримировалась не под собственную девичью фотографию, а приноравливаясь к сфабрикованному льстецами (?) портрету. И в результате пришла к какому-то сомнительному (чтобы не сказать чудовищному) нарциссизму.

Совершенно очевидно, что и эта новая книга — добрая сказка о солнечном Городе Детства, насыщенная не только желаемым, но и действительным (о чем — см. ниже), пропитанная позитивной энергетикой добра и "гения места", — станет раздираться на части, что невежды и популяризаторы скверных и нелепых исторических анекдотов, псевдокраеведы с кровью вырвут из нее цитаты во имя шулерских открытий и пресловутых тайн. Это неизбежно. Тем не менее, наша задача — хотя бы в самых общих чертах откомментировать ключевые моменты публикуемой подборки текстов, проинформировать заинтересованного читателя о степени их достоверности.

Прежде всего отметим, что А.М. Дерibas, внучатый племянник основателя Одессы, И.М. Дерibasа, был не профессиональным историком, а журналистом. Отец Александра Михайловича, Михаил Феликсович (1808-1882), много лет редактировал "Journal d'Odessa". Автор "Старой Одессы", что называется, с молодых ногтей пропитался духом изустных преданий о "раньше времени", когда солнце светило ярче, а небо было голубее. М.Ф. Дерibas получил блестящее (но домашнее!) образование. Дерibasы чрезвычайно гордились своей неординарной ролью в одесской летописи; семейные предания и легенды возводились в ранг абсолюта; в воспитании детей культивировалась личная ответственность за судьбы города и горожан, за все с ними происходящее. Семейное чтение составляло непременный атрибут локального духовного быта. Одним из любимейших авторов тогда был Вальтер Скотт, а чуть попозже — Эмар и де Монтепен. Историософия этих блистательных романистов, пестревшая анахронизмами в угоду динамике сюжетов и выразительности текстов, судя по всему, и положила начало интеллектуальной биографии Александра Дерibasа и его младшего брата, Людвига (1866-1922), впоследствии также мемуариста и библиофила.

С некоторыми оговорками можно утверждать, что А.М. Дерibas получил экономическое образование. И в самом деле: он окончил коммерческое училище, обучался на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Новороссийского (Одесского) университета, некоторое время служил доверенным Волжско-Камского коммерческого

банка и управляющим Киевским отделением Петербургского учетного и ссудного банка. В 1877-1880 гг. Дерибас сотрудничал в одесской "Правде", местном альманахе "Эхо", в начале 1880-х преподавал французский в частной гимназии, состоял надзирателем (то есть воспитателем) в пансионе при Ришельевском лицее. В 1882-м переехал в Киев, занимался литературным переводом, журналистикой, к которой особенно обратился по возвращении в Одессу в середине 1900-х. Как характерный жанрист Александр Михайлович весьма удачно вписался в полихромную палитру "Одесского листка" (он был его штатным сотрудником до 1919 года включительно) и "Одесских новостей" — в то время ведущих и популярнейших местных периодических изданий. На страницах этих газет в 1906-1912 гг. и появилась обширная серия статей, избранные из которых составили первую книгу "Старой Одессы" образца 1913 года (ее репринтные издания вышли в 1990 и 1995 годах).

Для полноты картины остается прибавить некоторые биографические сведения. В 1911-1918 гг. Дерибас исполнял обязанности заместителя председателя Одесского библиографического общества при Новороссийском университете (а в начале 1920-х работал в Одесском библиографическом обществе), в 1912-1917 гг. был членом правления Одесского отделения кассы взаимопомощи литераторам и ученым. Дом Александра Михайловича (он был женат на безызывестной А.Н. Цакни, прежде состоявшей в браке с И.А. Буниным) был одним из самых значимых "культурных гнезд" и "художественных салонов" Одессы тех лет. Дерибас был дружен или близко знаком с абсолютным большинством ее интеллектуальной элиты, так что даже нет надобности перечислять всех поименно. В 1922-1924 гг. — служил директором Одесской государственной публичной библиотеки, а в 1925-1935 гг. возглавлял краеведческий отдел этой библиотеки и составил уникальную картотеку "Одессика", положившую начало библиографическому обеспечению советского исторического краеведения в городе и регионе. В эти же годы А.М. Дерибас принимал деятельное участие в формировании музея "Старая Одесса", по-прежнему занимался журналистикой, выступая с публикациями преимущественно по художественной жизни города, литературным краеведением, в первую очередь — одесской главой пушкинской биографии, состоял членом Пушкинской комиссии при Одесском доме ученых. Однако все это — общеизвестные, в общем формальные и не чересчур значимые в данном контексте моменты.

Куда важнее мотивационные стороны его творчества, человеческие ка-

чества. И в этом смысле не очень, может быть, внятные строки Ю.К. Олешки из "Ни дня без строчки" дают в стократ больше понимания сущности Дерибаса, нежели самые обширные биографические очерки. "Это был высокий старик, с белой длинной бородой и губами, складывавшимися при разговоре так, что видно было его происхождение: француз". Французом автор "Старой Одессы", конечно, не был, он был франкоговорящим (и, разумеется, русскоговорящим) испанцем. Но эта неточность изрядно характеризует "благородного динозавра", представителя давно ушедшей эпохи первой одесской молодости, ее певца, менестреля, скальда, рапсода, как хотите, неисправимого седовласого романтика, непреклонно читающего "длинные строки александрийского стиха" наперекор радикальному напору окружающего его со всех сторон воинствующего авангардизма. В этой лаконичной картинке больше убедительности и правды, нежели в любом лукавом мудрствовании.

Столбовая проблематика очерков Дерибаса — "отцы" и "дети", эволюция их отношений на фоне социальных, административных и прочих реформ, в особенности третьей четверти позапрошлого столетия (см., например, "Студенчество и общество в шестидесятых годах"), и соответствующими изменениями уклада городского быта. Мемуарист видит свою задачу прежде всего в замирении "отцов" и "детей", порой благодушно фиксирует оное мирное сосуществование, хотя реально оно бывало куда ближе к состоянию холодной войны. Все негативное, как, впрочем, и позитивное в общественном быте старой Одессы, он склонен приписывать исключительно личным качествам одесситов, из какого посыла получается нечто в духе "Бородино": мол, были люди в наше время, богатыри, не вы...

"Прежние люди смотрели шире и яснее, — пишет Дерибас, — жизнь их не была загромождена и засорена такою массою пустяков, как теперь. Дым и копоть фабричных труб не так омрачала небо. Высокие дома не застилали горизонта и не мешали солнцу. На Черном море не ходили тяжелые пароходы, а летали быстрокрылые ладьи..." Как принято говорить, комментарии излишни.

Весьма курьезны наивные заявления о том, что "в первые десятилетия ее (Одессы. — Авт.) существования в ней не было ни нищих, ни бедных". Это тем более забавно, что уже в 1823 году здесь учрежден Приказ общественного призрения, а весной 1830-го на средства "именитой гражданки" Елены Кленовой на Старом городском кладбище заложен дом "приюта призрения нищих". Еще комичнее утверждение об отсутст-

вии корыстолюбия у прежних одесситов (см. "Накануне Отечественной войны"). Речь идет как раз о времени так называемой "континентальной блокады", когда средиземноморские проливы были блокированы, и юная Одесса счастливо сделалась важнейшим пунктом комбинированной транзитной торговли Запад-Восток (товары шли сухим путем из Австро-Венгрии, загружались на суда и доставлялись на восточный берег Черного моря), когда город наводнился отчаянными искателями счастья и приключения, настоящими джентльменами удачи, предпринимателями из Брод, Леванта и стран Центральной Европы, когда активно набирали обороты разнообразные коммерческие структуры, в том числе — первые крупные кредитно-банковские учреждения, когда стремительно богатели оборотистые негодяи, в дальнейшем составившие коммерческую элиту Южной Пальмиры...

Гипертрофированные высказывания Дерибаса насчет патриархальной Одессы иллюстрируют, вместе с тем, верную, в общем-то, мысль. Мемуарист имеет в виду простоту, непритязательность, здоровый прагматизм, исключительную деловитость одесских пионеров. И если точнее расставлять акценты и называть вещи по именам, то у нас получится примерно следующее.

Одесса была, прямо скажем, проектом столь же грандиозным и многообещающим, сколь и необычным для своего времени. Можно без преувеличения говорить о том, что за последние столетия на карте Европы не появилось ничего подобного. Фундаторы города и порта отлично видели открывающиеся возможности, почти невероятные перспективы. Подобно покорителям Сибири, преобразователям Дикого Запада или даже каким-нибудь крестоносцам, они получали широкий простор для маневра и колоссального по масштабам эксперимента. Реализация подобного эксперимента в "казарменной России" была вдвойне, втройне эффективной и создавала для ее участников иллюзию невероятной свободы. На довольно длительных хронологических этапах эта иллюзия становилась подлинной реальностью. Вот что имел в виду незабвенный герцог де Ришелье, когда говорил: "Не будем слишком регулировать". Он дальновидно пускал дело как бы на самотек, предоставляя строителям неограниченную инициативу, а затем всегда имелась возможность официально оформить результаты самодеятельности. Именно эти моменты и имеет в виду автор "Старой Одессы", постоянно декларируя чистоту помыслов и нравов, абсолютное бескорыстие и чуть ли не ангелоподобность первых одесских граждан.

"Отцы-основатели" и в самом деле жили довольно скромно — как по

субъективным, так и по объективным обстоятельствам. Им было не до украшения и помпезности. Любая торговая фактория с античных времен начиналась с землянок и бараков. В Причерноморье так было всегда. Перво-наперво создавались институты, способствующие пуску коммерции, прежде всего — морской. Строились порт, казармы для войск (как же без охраны?!), складские помещения. Плюс — нивелировались торговые площади (базары). Жилье на первых порах должно было быть функциональным. Не более того. Даже храмы ставили временные. И только с середины 1800-х под надзором Франческо Фраполли понемногу стали обустривать Северную (Александровскую, Греческую) и Херсонскую (Новобазарную) площади, приступили к сооружению Городского театра, возведению благолепных каменных храмов и т. д. Типологические жилища состоятельных одесских купцов составлял, к примеру, Красный (Греческий) переулок. Это были средиземноморского покроя небольшие двухэтажные домики с крохотным внутренним двориком и мощным подвальным этажом, где помещались кофейни и харчевни. Явившиеся из Архипелага (Ионических островов), материковой Греции, югославянских государств, из городов южной Италии и Франции предприниматели стремились воссоздать на новом месте привычный быт, родной уклад и традиции. Именно по этой причине помимо магистрата и биржи здесь столь рано открыт театр — непременный атрибут жизни их метрополии.

Дерибас любит пристально вглядываться в этот незатейливый повседневный быт молодой Одессы. Наблюдения и медитации такого рода составляют стержень, костяк, внутреннюю конструкцию большинства его краеведческих очерков. Очевидно, что нередко он именно что медитирует, воссоздавая в памяти давние рассказы отца, в свою очередь пересказывавшего кое-какие сообщения деда, семейные предания и др. При подобной технологии отдельные анахронизмы и неточности, конечно, неизбежны. И мы обязаны об этом сказать: с тем чтобы читатель сознавал, какую почерпнутую в книге информацию все же не следовало бы тиражировать.

В зарисовке "Греческое восстание 1821 года" читаем: "И мальчики побежали на площадь, где теперь греческий базар. Базара там тогда не было, не было и Круглого дома". "Круглого дома" не было, это верно, он построен двадцать лет спустя. А вот насчет базара — явный анахронизм. Действительно, ансамбль Греческого базара был оформлен уже к середине 1810-х. Он представлял собой площадь, окаймленную четырьмя Г-образными кварталами двухэтажных строений. Причем, нижние их этажи, об-

ращенные к этой площади, предназначались исключительно под торговые помещения, по фасаду представляли собой каменные аркады и галереи, декорированные колоннами дорического и ионического ордера. С первых эпох существования города в этом районе селились преимущественно состоятельные греческие негоцианты — Янопуло, Маразли-старший, Инглези, Велисарио, Палеолог, Цикалиоти, Амвросио, Кирико, Ралли, Ираклиди — и отдельные русские купцы: Ширияев, Крамарев, Милованов, Кислов. Описанный торговый центр и его окрестности отличались особым укладом, репрезентующим традиции всякого левантийского города. Название Греческий базар (на Северной или Александровской площади) сложилось стихийно, задолго до восстания этеристов, и причисляется к народным топонимам.

Объемный очерк "Пушкинская Одесса" также включает немало неточностей и анахронизмов, но это отчасти объясняется тем, что к моменту его написания Дерibas не располагал всею той информацией, каковой владеем мы по прошествии многих десятилетий. Впрочем, отдельные погрешности как бы и не вполне извинительны. Скажем, в этом и других текстах неоднократно упоминается о том, что масонские ложи в России ликвидированы в 1823-м. В середине 1910-х в России вышли весьма информативные издания по истории масонства, имевшиеся на руках многих представителей одесской интеллигенции, да и в библиотеке Императорского Новороссийского университета. В высшей мере странно, что Александр Михайлович не был с ними знаком.

Ложи ликвидированы в 1822-м, причем, накануне определения государственных чиновников в службу они уже в том же году должны были давать подписку о непричастности к масонству и к тайным сообществам вообще. Образцы подобных расписок имеются и в Государственном архиве Одесской области, в фонде Одесской городской думы.

Сильно преувеличена мемуаристом и веротерпимость одесситов пушкинских времен. Довольно напомнить о погроме 1821 года, описанном независимыми зарубежными корреспондентами. Не было тогда хлебных магазинов Иеронима Сабанского на Канатной: они построены позднее, в 1827-м. Барон Рено не новый дом построил на пересечении Ришельевской и Дерibasовской, а надстроил этажом прежний дом Волконского. Гимназской (а не Гимназической) изначально называлась не Ланжероновская, а как раз Дерibasовская. Георг Зонтаг, капитан Одесского порта, вовсе не англичанин, а американец, к тому же сражавшийся против "владычицы морей" и топивший ее корабли. Греческий торговый капитал не

только не потерял своего значения после 1821 года, как утверждает Дерибас, но, напротив, заметно возрос в годы генерал-губернаторства Воронцова. Отца городского головы Григория Маразли звали не Иваном, а Григорием Ивановичем. Дома Филиппа Лучича на Александровском проспекте тогда еще не было. Усадьбу Куликовского на бульваре Воронцов приобрел не в 1823-м, а еще в 1820-м. Тот же Воронцов не мог жить в частном доме Крамарева на пересечении Преображенской и Дерибасовской, поскольку арендовал другой частный особняк, Фундуклея, на углу Торговой и Херсонской. Явный перебор и с книжными лавками: достоверно известно наличие в тот период лишь одной — швейцарца Альфонса Коллена. "Письма об Одессе" Шарля Сикара известны в вариантах 1808, 1811, 1812 и 1818 годов (у Дерибаса почему-то указан 1814-й). Барон Бруннов, тайный и явный недоброжелатель, упоминается в числе сочувствующих Пушкину. Отъезд поэта из Одессы датируется концом июня (на самом деле — 1 августа, но эта ошибка из числа простительных). И уж совсем анекдотичным представляется заявление, будто в коммерческом casino не подавали горячительных напитков. Посетивший Одессу как раз в 1823 году английский естествоиспытатель и путешественник Роберт Лайелл (на него, кстати, ссылается в своем знаменитом комментарии к "Евгению Онегину" В.В. Набоков) прямо говорит о том, что в этом казино кушцы нередко заключают сделки, но больше просто выпивают и закусывают. И так далее и тому подобное.

Неточности чисто краеведческого характера встречаются не только в "пушкинских" очерках и зарисовках. Возьмем тот же хрестоматийный пример с дворцом Потоцких. На самом деле нынешнее здание Одесского художественного музея построено в 1828 году и принадлежало графу Льву Александровичу Нарышкину. Разумеется, этого дома не было, и быть не могло в 1811 году. И тем более, умерший в 1805 году Станислав Феликс Потоцкий-Щенский никак не мог презентовать дефицитную тогда в Одессе новогоднюю ель фаворитке императора М.А. Нарышкиной. Реально особняк Потоцких располагался выше по Нарышкинскому спуску: это бывший Архиерейский дом, а ныне — корпус местного ювелирного завода.

Балетмейстер Городского театра Буш приехал в Одессу не в 1830-х, а в начале 1820-х. Его имя и даже ироническая характеристика приводится в местной французской газете еще в пушкинские времена. И опять-таки, весьма странно, что именно Дерибас этого не знает. Курьезным выглядит тезис Александра Михайловича о том, что в памяти одесситов не за-

печатлелось ни одной арии из опер буфф ("Музыкальная старина") или, допустим, архинавное предложение вернуть англичанам их военную реликвию... пушку с парохода-фрегата "Тигр", установленную на Приморском бульваре. Да и вся трактовка "одесского" эпизода Крымской кампании носит некий пропагандистский оттенок: в прежней огласовке вообще выходило примерно так, что одна батарея поистине легендарного Щеголева, насчитывающая на вооружении четыре морально и физически устаревших орудия, расправилась со всем союзным флотом. Это более чем смелое заявление опровергается всем дальнейшим ходом несчастливой для страны (и в первую голову — для Одессы!) войны: в результате сокрушительного поражения Южная Пальмира раз и навсегда утратила первенство в мировой хлебной торговле. Именно это поражение и привело к кардинальному переустройству всех сфер городской жизни, к преобразению и лика, и сущности Одессы, о чем Дерibas постоянно размышляет и что настойчиво пытается растолковать, вероятно, не только читателю, но и самому себе.

Вместе с тем автор "Старой Одессы" приводит и массу подлинных новых, крайне любопытных свидетельств и документов. Если говорить о той же пушкинской Одессе, так это, скажем, информация об уже упоминавшемся особняке Фундукля как главной резиденции М.С. Воронцова в 1823-1824 годах. Впоследствии это свидетельство было документально подтверждено видным историком градостроительства Одессы В.А. Чарнецким. Правдоподобные сведения приводятся также о Цезаре Отоне (в отличие от наших доморощенных краеведов, Дерibas знает, что эта фамилия пишется с одним "н" — поскольку речь идет о рестораторе, а не о римском императоре; с удвоенным "н" пишет Александр Михайлович и фамилию Бруннов, что также соответствует истине), хотя и приправляет свой рассказ обильным цитированием мемуаров популярного в свое время писателя Болеслава Маркевича, юность которого прошла в Одессе. Занятны сюжеты о Морали: мы узнаем, например, что, согласно семейным преданиям Дерibasов, "корсар в отставке" причастен к восстанию этеристов.

Огромный интерес представляют введенные Дерibasом в научный оборот архивные документы, например, в публикации "К истории сгоревшего театра". Это невероятно симпатичный рапорт Семена Аркудинского о гардеробе, доставленном для новостроящегося одесского театра из Императорской театральной дирекции Санкт-Петербурга (реестр реквизита впечатляет и воссоздает самую атмосферу первобытного Городского театра), и письмо князя Шаховского, первого антрепренера нашего театра,

к барону Рено — первому театральному директору (перечисляются все амплу актеров труппы и проч.). Небезынтересны материалы, касающиеся истории Ришельевского лицея и его предшественников, в частности — о пожаре в гимназии Вольсея в ночь с 6 на 7 февраля 1806 года. Любопытны подобные же контрастные ретроспективные "мелочи жизни" вроде игры бесподобного Сальвини... на бильярде у Фанкони или сообщений о том, какие именно сорта водки в удовольствие потребляли прежние одесские актеры и журналисты. Потому что "мелочи жизни", в конечном счете, и складываются в самую жизнь, единственную и неповторимую.

В творчестве А.М. Дерибаса явственно ощущается неизменная оппозиция между "отцом", испытывающим ностальгию по привычному прежнему миру с его трогательными и обаятельными обрядами, по устойчивому мирозданию, где он мог обитать без засилья суеты и мельтешения, и "сыном", человеком очередного, дежурного нового времени, сознающим, что, хочешь или не хочешь, а неизбежно приходится формировать какую-то иную среду обитания, однако не находящим еще верных рецептов, твердых правил современного переустройства. А потому ему остается одно: тосковать по утраченному детству (почитайте, с какою нежностью Дерибас описывает даже... амбарных крыс, их гнездышко в тюфяке, на котором он спал!), длить его, медитировать и медитировать, "питаться детством".

"Для чего я пишу о старой Одессе, — восклицает Александр Михайлович, — для чего я тревожу прах ее прошедших дней?" ("О дедах и внуках"). Снова и снова вопрошает себя Дерибас о мотивации собственных действий. И снова отвечает: "Мне мечталось, что своими очерками я делаю нечто большее, что, черпая хорошее из оставшегося еще во мне родника старой Одессы, я проливаю это хорошее в новую жизнь". Однако, печально продолжает он, "новая Одесса живет новой жизнью и у нее нет ни времени, ни желания возвращаться к прошлому и вдохновляться его милыми образами и славными примерами". Это замечание носит универсальный характер и всегда актуально. В том числе — и сегодня, когда из самых прекраснотушных человеколюбивых побуждений издается эта замечательная книга, согревающая и воодушевляющая отзывчивого читателя. Парадоксально, но, в отличие даже от правды, добро всегда объективно. Так думал Александр Михайлович Дерибас, так думаем и мы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Олег ГУБАРЬ